

добродетели без препятствий; Бог вначале создал Противника как Искушителя, которого человек затем должен преодолеть силой добродетели. Объяснение не лишено изобретательности; сегодня можно было бы сослаться на авторитет самого дьявола, который так охарактеризовал себя перед Фаустом:

...Часть силы той, что без числа Творит добро, всему желая зла*.

Но можно ли доверять Мефистофелю как апологету? Очевидно, что латинская апологетика страдала скудостью философской культуры, и в римской традиции не находилось средств для исправления этого недостатка. Для Лактанция Платон был прежде всего Цицероном, «*qui solus extitit Platonis imitator*»**. Однако это далеко не так. Констатируя подобный изъян, мы лучше поймем важную роль, которую вскоре сыграет в истории западной мысли ее первое знакомство с «Энеадами» Плотина.

Тоз

Тем не менее Лактанций, знавший греческий, мог непосредственно вдохновляться Платоном, которого он неоднократно цитирует, и религиозным учением, также выработанным под влиянием платоновского «Ти-Мея» и содержащимся в сборнике трактатов, который сейчас называется «*Corpus Hermeticum*» по имени его предполагаемого ав-гора — Гермеса Трисмегиста***. Этот легендарный персонаж ведет происхождение от египетского бога Тота (Тат — по-гречески,

в латинском средневековье), отожде-

ствляемого с греческим богом Гермесом, а затем — с римским Меркурием. Приписывание этих с древних времен известных трактатов Гермесу возможно не ранее, чем с I века н.э. (Thorndike, t. II, p.288). Христианские авторы, начиная со II века, часто о них упоминали. На них намекает Афинагор; Тертуллиан упоминает Гермеса («О душе», 33) и Трисмегиста («Против валентиниан», 15); Климент Александрийский приписывает ему 42 трактата, которые он считает необходимыми для изучения: десять из них посвящены религии, десять — религиозным церемониям, два — гимнам богам и правилам для царя, шесть — медицине, четыре — астрономии и астрологии, десять — космографии, географии и ритуалам («Строматы», VI, 4). Речь идет, таким образом, о некоторой энциклопедии, компилятивный характер которой объясняет частое в XII—XIII веках приписывание тому же Гермесу Трисмегисту трактатов по алхимии, астрологии и магии. Из всего этого множества Лактанций знал или использовал только трактаты, относящиеся к религиозным учениям, в частности трактат, названный «Совершенная речь» («*Logos teleios*») («*Discours parfait*», «*Sermo perfectus*», «*Verbum perfectum*»), и эти трактаты известны нам лишь по очень древней латинской версии, использовавшейся еще Августином. Названное выше сочинение в средние века приписывалось Апулею и чаще всего цитировалось под названием «Асклепий», но иногда также «*Logostileos*» (искаженное «*Logos teleios*» Лактанция) или «*De hel-lera*», «*De deo deorum*» («О боге богов») и др. Еще до Лактанция Арнобий сблизил учение Гермеса с учениями Пифагора и Платона. Лактанций сам восхищается тем, что Трисмегисту — «Триждывеличайшему» — удалось исследовать истину почти целиком («*Trismegistus, qui veritatem paene universam nescio quo modo investigaverit...*»****, IV, 9). Он называет свидетельство Трисмегиста в некотором смысле как бы божественным (*simile divino*). В самом деле, замечает Лактанций, Гермес, как и христиане, называет своего

Глава II. Латинские отцы и философы